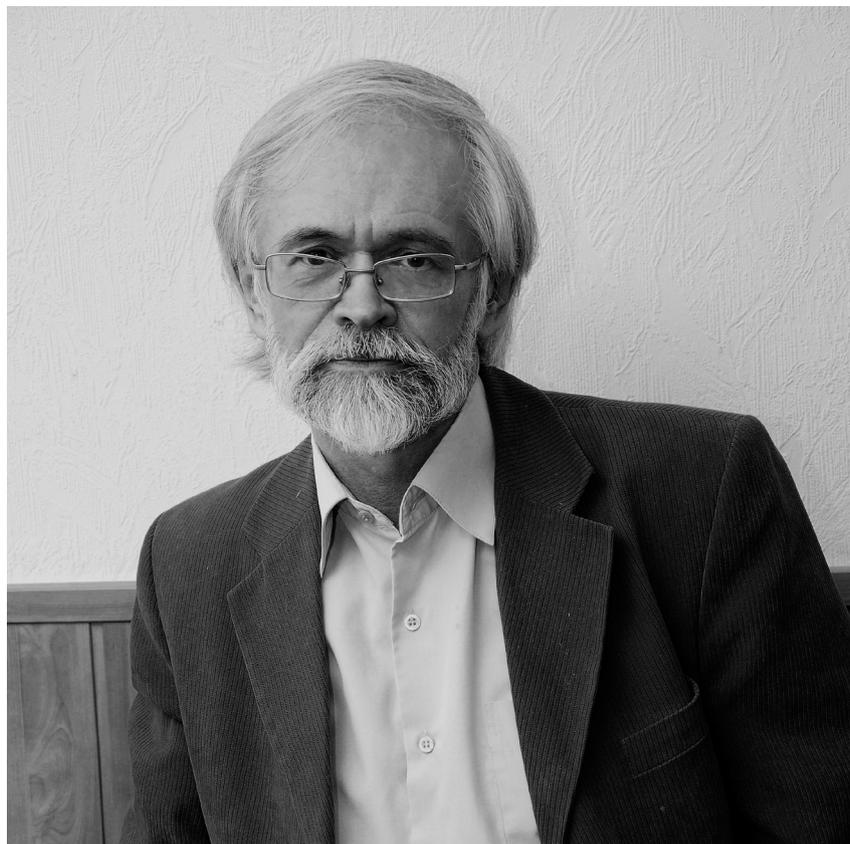

**ВРЕМЯ ДВОЙНИКОВ
(ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ)**

Владимир Александрович Шкуратов

доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор Южного федерального университета
(Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: narradigma94@yandex.ru

Аннотация. В очерке дан обзор европейских практик биперсонализации. Современное литературно-медицинское явление двойника выделено как отдельный исторический случай и тип психокультурных диссоциаций и противопоставлено досовременному двойничеству. Автор не считает, что мифоритуальная дуальность охватывает специфику литературы, и в этой связи полемизирует со структуралистским и смежными с ним подходами к раздвоению. Отмечено, что рефлексивная страдательность героя противостоит первобытному оборотничеству и способна блокировать игру бинарных оппозиций уже в античном романе («Золотой осел» Апулея). Однако для консолидации литературы о двойниках требуются иные социокультурные условия, чем имеются до современности. Чтобы наметить исторические типы диссоциации, автор вводит понятия полипсихизма, психократии, антропокультурной формации. Рассказы о Doppelgänger'ах и месмерические опыты берутся в их общей миссии расколдовывания мира и централизации досовременной множественности. Цикл партнерской пары «полипсихизм – монопсихизм» прослежен и в религиозном, и в секулярном вариантах. Центральный прием литературы о двойниках определен как превращение всех узловых пунктов системы художественного повествования, его композиционной структуры, сюжетных поворотов, идейно-психологических характеристик героев гносеологических стыков достоверности и вымысла в персонажную фигуру Другого. Современный праксис биперсонализации оформляется на рубеже двух цивилизационных порядков (в терминологии статьи – антропокультурных формаций). Демонологический ресурс прошлого подхватывается беллетристикой по мере того, как он исключается из юриспруденции, управления, политики, образования, академической науки и других властно-знаниевых сфер и переходит в сферу вымысла. От «черной» триллерной готики XVIII – начала XIX вв. до символизма и модернизма конца XIX–XX вв. литература о двойниках претерпевает изменения, однако сохраняет прием биперсонализации структурно-композиционных узлов художественного произведения в диапазоне от «демонизма» до изошренной игры автора с нарративными инстанциями текста.

Ключевые слова: двойники, множественность, бинарные оппозиции, биперсонализация, полипсихизм, монопсихизм, месмеризм, психократия, антропокультурная формация.

Экстатические культы первобытных и древних народов, средневековый экзорцизм, Doppelgänger'ы романтической литературы, пациенты магнетизеров, психиатров и психоаналитиков, герои мыльных опер и коммерческой эзотерики легко собираются вместе под шапкой множественности. Однако сумма разнородных материалов мало что объясняет, а широкие макрообобщения оставляют равнодушными при обращении к конкретным предметным исследованиям и практикам.

В предлагаемой статье, написанной как очерк долгой хронологической длительности, теоретическая зыбкость исторических компиляций будет по мере возможности корректироваться концептуализмами, которые автор предлагал в рамках разрабатывавшейся им исторической психологии [Шкуратов 1997; Шкуратов 2009а; Шкуратов 2015а].

Мои разработки по двойникам [Шкуратов 1994; Шкуратов 2004; Шкуратов 2009а; Шкуратов 2011; Шкуратов 2012] были откликом на эпидемию психических диссоциаций, охватившую Запад (преимущественно США) в 1980 – начале 2000 гг. Синдром множественности проявлялся в том, что человек переставал существовать как целостный субъект и в определенной последовательности демонстрировал присутствие в себе различных и самостоятельных субличностей: он

становился множественной личностью. Звезды и чемпионы multiple personality disorder¹ (множественного расстройства личности) в Соединенных Штатах конца XX – начала XXI вв. сильно превосходят фертильностью героев беллетристически-психиатрических раздвоений рубежа XIX–XX вв., они могут производить из себя десятки ментальных существ.

Разработав тест на выявление диссоциации и проведя массовые обследования населения, американская индустрия психического здоровья смогла поставить дело на поток – клинические случаи MPD к концу XX в. исчислялись десятками тысяч [Ross; Патнем]. Поветрие это обошло стороной Россию и оставило равнодушным наше психолого-психиатрическое сообщество. Указанное обстоятельство усиливает гипотезу социокультурной этиологии множественности, т.е. участия в ней гуманистических психотерапий, тренингов, методик, наделяющих фрагменты человеческой психики признаками отдельной личности, и размножения таких практик массовой культурой и тестовой индустрией.

Теоретический урок эпидемии MPD состоит в том, что американская множественность нашего времени прямо не продолжает двойничество и раздвоения минувших веков. Она является самостоятельным психологическим и социальным случаем. Урок ставит и задачу:

¹ Далее – аббревиатура MPD.

описание историко-культурных типов диссоциации и поиски их общей основы, с учетом того, что *множественность* по-американски таковой не является. Концепт множественности в качестве родового обозначения видов психической диссоциации представляется и логичным, и соответствующим духу нынешней постэмпирической дискурсивной гуманитаристики. Указанный ключевой термин используется мной наподобие горизонта теоретических обобщений для накапливаемых историко-эмпирических фактов, но преимущественно в макрокультурном ключе. Не теряя из вида искомой множественности, я буду тематизировать ее полипсихизмом, психократией и другими социально привязанными образами.

Дискурсы современной множественности конструируются тандемом литературы и науки. В плане полемики я сначала коснусь досовременного порядка психокультурной диссоциации, как его трактуют в структурализме и смежных с ним подходах, а затем перейду к становлению ее современного типа.

В орбите мифа

Структуралистская концепция бинарных оппозиций до сих пор в ходу как фундаментальное объяснение двойничества [Агранович, Саморукова]. Ее создатель К. Леви-Строс [Леви-Строс] постулирует, что в основе умопостигаемости мира заложен порядок попарно группируемых элементов. Дуальные

сочетания имеют смысл как отношения антонимов (мужское – женское, светлое – темное, близкое – далекое, враг – друг и т.д.). Группировки являются семиотическими, но в качестве элементов могут выступать не только знаки, но и люди, природные тела, артефакты и т.д. Первичные пары объединяются в системы трансформаций, которые Леви-Строс изображал наподобие музыкальных контрапунктов. Французский этнолог работал с материалом первобытной мифологии, но считал открытые им структуры универсалиями человеческого ума. Его построения оказались удобной теоретической базой для трансисторической поэтики сюжетов, а в комбинации с юнгианством – для инвентаризации литературных архетипов от первобытности до нашего времени [Мелетинский].

Двойничество попадает в число переходящих бинарных кодов, отдельное человеческое существование получает значение (семантизируется) в соприсутствии со своим антонимическим напарником. Так называемая ритуально-мифологическая критика в западном литературоведении стремится определить сюжетные архетипы как сценарии доисторических и древних ритуалов. В отечественной науке сходный подход задолго до этого разрабатывался О.М. Фрейденберг, которая подробно останавливалась на двойничестве как семантизации первобытных обрядов и перерастании двойнической обрядности в сюжеты античной сло-

весности [Фрейденберг 1978; Фрейденберг 1997].

Античные романы в ее концепции – сплошной метаморфоз, т.е. переданный литературными средствами цикл ритуально-сезонных превращений. Грубый реализм древних произведений «еще без труда обнаруживает метафоричность лежащего в их основе образа производительности» [Фрейденберг 1997: 285]. Относительно незадачливого оборотня Луция и его превращений в романе Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел»: «Эта метафора регенерации несколько не скрывает себя: роман только и делает, что дает эпизоды мнимой гибели, и вся его композиция построена на переходе из гибели основной в новое оживление-возрождение. <...> основной образ спасения и герой, спасенный спаситель, дают глубокие органические связи со страстями солярно-вегетативных богов» [там же: 285–286].

Сочетание архетипологии литературы и структурного мифологоведения весьма плодотворно, но его исторический заход слишком широк и в то же время исторически не конкретен для нашего случая. Возможно, комбинаторика бинарных оппозиций есть наилучшее описание «мыслящих в человеке» (Леви-Строс) и посредством человека структур, однако оно не охватывает *spesificum* литературы.

Чтобы получить дискурс двойничества по рецепту Фрейденберг, Леви-Строса и К°,

требуется персонализировать бинарные оппозиции или бинаризовать персональное существование, а во французском структурализме и у его российских предшественников нет места человеческому автору, тонкой игре с повествовательными инстанциями. Кто главный автор апулеева сюжета по Фрейденберг? Солнце, солнце же и герой. Ведь подобная литература создается «не воображением автора или его предшественников, а фольклорным материалом» [там же: 287].

Возражу выдающемуся филологу, что художественная литература слишком далеко отстоит от дописменной архаики, чтобы просто излагать процедуру ритуала. Она оценивает и понимает личность, а не пучок семантических функций. Представительство человеческого «Я» в мире доверено литературой автору. В своих злоключениях человек Луций, ритуальная жертва и «стоячая маска» солярно-вегетативного бога, завоевывает право быть рассказчиком своих страданий и автором этих рассказов. Над схематизмами натурально-обрядовой семантики надстраивается индивидуальное сознание, которое в конечном итоге и выводит героя из череды бинарных оппозиций [Шкуратов 2007].

Если в мифе определен облик еще не прирос к герою, и последний, как можно согласиться с Леви-Стросом, пребывает в качестве пучка семантических трансформаций, то сказка более беллетризирована. Ведь миф сакрален, присоединен к ритуалу и не интере-

суется индивидуальными историями героев, а сказка развлекает. Поэтому эстетический момент и присущая ему изобразительность выражены в ней гораздо больше. Работая с материалом волшебной сказки, В.Я. Пропп должен был бы показать движение в олитературивании фольклора. Однако в своем классическом труде он ограничился определением персонажей сказки по атрибутам и функциям: «Под атрибутами мы понимаем совокупность всех внешних качеств персонажей: их возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т.д. Когда говорят о сказке, то прежде всего вспоминается, конечно, баба-яга с избушкой, многоголовые змеи, Иван-царевич и прекрасная царевна, волшебные летучие кони и много другого. Но, как мы видели, в сказке один персонаж легко заменяется другим» [Пропп: 79].

Хотя сказка – уже не миф, она еще сохраняет свойства сборно-разборной конструкции. Образ словно полуприрос к герою, то есть к его сюжетным функциям. Вот когда совсем прирастет – это будет вполне литературная индивидуальность со своим именем – Дон-Кихот, Анна Каренина, крошка Доррит, Том Сойер, Воланд и др. Со своей судьбой и своим неповторимым обликом. Это станет возможным только в настоящей письменной литературе. А пока Иванушки, сестрицы Аленушки, мальчишки-с-пальчики, серые волки – не вполне индивидуализированная, а то и вообще анонимная публика. Речь идет

о степени персонализированности дискурса. Высокая степень принадлежит письменному повествованию, а не просто исполнению, устному творчеству.

Очевидно, что архаическое оборотничество, античный даймониум, средневековый сатанизм, новоевропейское раздвоение и новейшая мультифрениа – это очень разные вещи. Возможно, что алкогольные делириумы Гофмана и По, припадки Достоевского, галлюцинаторные видения Набокова и делают их в чем-то подобными шаманам, а в текстах их произведений можно обнаружить некие оккультно-ритуальные символы. Однако они – писатели современности, а не шаманы, одержимые или чернокнижники, и действуют в пределах письменно-литературной нормативности. И так мы, читатели, их воспринимаем. Однако этого нельзя сказать об Апулее. Праксис множественности разбит по эпохам и от них получает свою типологическую определенность.

В конце апулеева романа герой обретает себя в своей человеческой истории. Он вырывается из-под власти оборотнического метаморфоза, иначе говоря, сезонной обрядности, о которой пишет Фрейденберг, и переходит в сферу собственно литературы – в биографическое повествование. Но эта победа частична, поскольку культурный порядок такие достижения долгое время не поддерживает или, по крайней мере, не пускает в массовый обиход. Современники Апулея

едва ли могли разобраться, был ли он магом (причем, неудачливым, как Луций) или только сочинителем. Через два с половиной века после написания романа знаменитый христианский богослов Аврелий Августин заключает в сомнении, что материала для определенного вывода маловато: «Все это или ложно, или до такой степени необыкновенно, что по справедливости не заслуживает доверия» [Блаженный Августин: 24]. Впрочем, существование человека в ослином облике или в собственном, одновременно в разных местах, для него – не вымысел, а реальность: это все проделки демонов, искусных в создании иллюзий, изготовлении макетов, во всем подобных оригиналу. Богослов объясняет манипуляции с подменами вполне правдоподобно, даже рационально для знания своего времени. Дождаться культурного миропорядка, который произведет массовое замещение «реальных» оборотней и демонов на придуманных литературой двойников придется еще без малого полторы тысячи лет.

Литература и наука в модернизации полипсихизма

Литература о двойниках имеет достаточно четкую хронологию. Она начинается в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. и продолжается до наших дней в той степени, в какой изящная словесность классических жанров сохраняется, теряя устойчивость и расплываясь от соприкосновения с «мультироманом»

и аудиовизуальной продукцией массовой культуры. Из тезаурусов досовременности она черпает прототипы для своих произведений, форматируя их по правилам письменной продукции Нового времени. Партнером литературы в современной цивилизации выступает современная наука.

В своем возникновении литература о Doppelgänger'ах тесно связана с ранней европейской психотерапией. Термин «двойная личность» возник в кругу целителей животным электричеством около 1785 г. [Ellenbergger]. Затем сновидцы, сомнамбулы, двойники переселяются на страницы литературных произведений. Появляется художественный эквивалент двойной личности и двойного сознания месмеризма – двойник, Doppelgänger. Лекции Г.Х. Шуберта о животном магнетизме впечатляли немецких романтиков и среди них Э.Т.А. Гофмана [Webber].

Следует помнить, что в месмерической практике второе, сомнамбулическое «Я» считалось временным лечебным артефактом, обреченным исчезнуть с завершением курса. Цели литературы – иные. Романтики наполняли схемы своих партнеров из ранней европейской психотерапии прототипическими образами национального фольклора и готической фантазии. Они интриговали загадочными картинами человеческой души. Сцены одержимости, черных месс, колдовства, пактов с дьяволом также нагнетали читательский интерес. Художественное во-

ображение сходится с натурфилософскими опытами, порождая такие оксюмороны, как выносимые врачами-романтиками диагнозы демонически-магнетического расстройств [Ellenberger].

Имея собственные профессионально-корпоративные интересы, литература и наука Нового времени выступают партнерами по общей цивилизационной миссии, которую М. Вебер назвал «расколдовыванием мира». Двойственная личность оказывается среди продуктов эпохального перехода от мифоматической ментальности к детерминистской картине бытия. Современную множественность я определил как случай модернизации полипсихизма [Шкуратов 2011]. В моем применении термин «полипсихизм» означает недостаточную или неправильную по нормам новоевропейской социальности централизацию психики человека¹.

Полипсихизм ментальной жизни выступает подобием раздробленности и сепаратизма жизни политической. Когда контроль за

правильным протеканием поступков, мыслей, чувств человека принадлежит локальным группам, он оказывается региональным, узким, местечковым, одновременно навязчивым и недостаточным. Психократия, не подкрепленная полной грамотностью, обязательным школьным образованием, массовой электронной коммуникацией и другими подобными всеохватными унификаторами психики, существует в обрядовых действиях коллектива как род самоуправляемой и самоконструируемой, *in vivo*, на площадке ритуала, власти [Шкуратов 2011; Шкуратов 2016].

В досовременных цивилизациях нет социальных сил, которые могли бы продвигать определенную ментальность на обозримую ойкумену. Первобытно-древние сообщества вообще локальны, культурная сродственность больших географических ареалов объяснима не столько принудительной аккумуляцией, сколько единообразием аграрных укладов, создающих везде типологически сходные обряды и верования. Главный уни-

¹ Своим возникновением в XIX в. термин «полипсихизм» обязан практике лечебного внушения. Введенные в так называемый магнитный сон, пациенты месмеристов так резко меняли свое поведение, что это вызывало представление о другом «Я», о бипсихизме человека. Под действием внушения объекты месмерических пассов могли бессознательно играть и несколько ролей. Бипсихизм был расширен до полипсихизма. Последний получил свое название и описание в 1868 г. в труде месмериста Ж.П. Дюрана де Гроса [Durand (de Gros)]. Возникла теория, представлявшая человеческий организм чем-то вроде колонии одушевленных телесных частей под управлением главного «Я». Когда последнее временно подавлялось гипнозом, на свет являлись младшие члены множественного семейства. Роль специалиста по душевному здоровью состояла в том, чтобы поддерживать равновесие в организме, используя силы животного электричества. Мое перепрофилирование термина состоит в замене его натуралистически-спиритуалистического значения на определение, близкое социальному конструкционизму.

фикатор древности – природный цикл, т.е. сезонные ритуалы под присмотром гражданской общины, государства, но преимущественно в преломлении местных культов. Последние извлекаются из закров мифологической коллективной памяти, адаптированной для нужд первых исторических цивилизаций.

Средневековье приходит с монопсихическим проектом мировых религий, но не может его осуществить. Христианство учит о душе, созданной Богом и управляющей в качестве Его подобия телом. Ей должно владеть над низшими страстями и нести в себе истину веры по всему христианскому миру. Однако на деле это не так. Церкви приходится допускать и *de facto* распространять в своих владениях нехристианские нравы, признавая полуязычество паствы и слабость, немонолитность человеческой души. В начале Нового времени Европа имеет ментальный ландшафт торжествующего полипсихизма. Универсум видится заселенным разнообразными духами, оккультизм и магия процветают, демонология превратилась в официальную науку, экзорцисты изгоняют из одержимых бесов, государство и церковь устраивают охоту на пособников адских сил, в ученых трудах душа предстает кишашей похотливыми страстями и силами. Современность оказывается периодом, призванным восстановить централизованный порядок психики, но не церковными, а секу-

лярными методами. Полипсихизм не может быть преодолен окончательно, но он модернизируется, переводится в ранг медицинского, естественнонаучного и литературного явлений. Телесные монады – гораздо более цивилизованная и современная компания, чем бесы, которых изгоняли из одержимых конкуренты А. Месмера – экзорцисты. За несколько десятилетий магнетизеры смогли медикаментализировать сегмент антропологического праксиса, который до того причислялся к сфере потусторонних, и притом злобных демонических сил.

Цикл партнерской пары «полипсихизм – монопсихизм» прослеживается по крайней мере до раннего средневековья. Тогда христианская церковь на Западе порицала веру в демонов как суеверие и не практиковала жестокие расправы с колдунами и ведьмами. Однако с XIII в., в борьбе с ересями и дуалистическими культурами, она меняет свою политику и с XV в. поднимает вал гонений на прислужников дьявола. В западноевропейских странах он достигает апогея во второй половине XVI – первой половине XVII в. Для нас интересно, что в эпоху Возрождения и на пороге Нового времени представляемый мир преобразуется в род пандемониума. Человек может вообразить себя украшением Вселенной, но все равно чувствует в себе настоящий бестиарий весьма скверных и самовольных тварей. Христианство придерживается версии единого субстанциального «Я» – души,

и средневековый полипсихизм существует как сонм демонизированных античных и фольклорных божков. Изменения Ренессанса связаны с расширяющейся двойственностью установок по отношению к этим примесям духовной субстанции человека.

Как бы то ни было, за века до Месмера, Мэтьюрина и Гофмана мы находим и литературу о демонических атаках на душу, и практики, призванные эти атаки отбивать. Медико-демонологическая мысль XVI–XVII вв. занята сложной казуистикой: что идет от Природы и что – от Князя Тьмы. Главная душевная болезнь этого времени – меланхолия. Она происходит от черной желчи, но также отмечена участием дьявола. Тот использует природные диспозиции организма, чтобы вкрасься в тело, населить его своими агентами и завербовать человека на свою сторону. «Эти противоположные силы, которые проникают в душу, явно отмечены как проявления дьявола <...>. Полное помешательство предполагает, что душа не просто потеряла свои натуральные способности, но что в нее проникли некоторые вещи, противные ее природе» [Trillat: 36].

В демоническом расстройстве существует различие между сверхъестественным и естественным. Их соотношение подлежит выяснению. Медики указывают на естественные причины, теологи – на сверхъестественные. Нередко в дело вмешиваются и судьбы. Это когда человек сам, по своей воле заключает

договор с дьяволом, предоставляя ему тело и душу и получая от него плату и средства для нанесения вреда добрым христианам. Такие люди – колдуны, и они подлежат суду. Одержимость есть страдание от проникновения в тело бесов, врач и священник могут кооперироваться в лечении. А колдовство – это преступление, которое лечится костром. Требуется установить вовлеченность собственной воли испытуемого в сделку и степень участия в ней дьявола. При этом врач предъявляет признаки естественного расстройства, а демонолог – сверхъестественного. Судья же проверяет эти гипотезы своими специфическими средневековыми средствами. Он должен иметь в виду, что дьявол обманывает всех – и медиков, и теологов. Для первых он симулирует естественные причины. Теологов он может сбивать с толку хитрым приемом, намекать на свое участие, когда подозреваемый невиновен. Поэтому медик имеет право настаивать на примате естественных причин. Судья же должен учитывать сверхъестественное коварство Врага. Инквизиторская подозрительность выполняет здесь роль критики медицинского диагноза. Пара, в общем, обычная: наука и ее фальсификация, если не считать, что диспут ведется в инквизиционной камере. К физиологическому объяснению пристраивается религиозно-сакральная драма искушения, верности, измены. Подробности пакта с дьяволом, клятв, жутких преступлений, карти-

ны шабаша, имена, обличия и манеры служителей inferнального мира всем очень интересны. Между демонологией и собственно литературой идет оживленный обмен материалами. Со временем напряженная и страстная запутанность сделок человека и Врага лишается теолого-инквизиционного интереса и остается за писателями.

В 1682 г., по эдикту Людовика XIV, колдовство, причисленное к суевериям, удаляется из уголовных статей французского судопроизводства. В остальной Европе оно медленно исчезает из числа преступных деяний на протяжении XVIII в. Оставленную вниманием судей демономанию делят между собой врачи и экзорцисты. Впрочем, как показал М. Фуко [Фуко], ее выведение из-под длани инквизиции происходит посредством маргинализации психического расстройства. Больные помещаются в исправительные дома вместе с мелкими правонарушителями, а мелкие правонарушители помещаются в госпитали. Правда, указанные заведения первоначально слабо различаются между собой. Начинается довольно скучный период заточения маргиналов, когда ненатуральность из дьявольского расстройства переименовывается в непонятность и нелогичность. Врачи, избавленные от необходимости относиться к демонической составляющей «Я», отдают ее экзорцистам, которые снова процветают. Медицинский интерес к множественности оформляется, когда врачам опять удается

потеснить своих традиционалистских конкурентов с рынка специфических услуг. Со всем избавиться от первобытно-антично-средневековых духов, разумеется, не удастся, но получится создать свой секулярный коррелят внутренних демонов. Для этого придется использовать заброшенное Просвещением воображение (т.е. прежние дьявольские обманы) и научиться проделывать нечто подобное конкурентам – экзорцистам. Медико-демонологические практики трансформируются в медико-беллетристические. На сцене появляется Месмер, воскрешая под лозунгом ньютоновской науки действия целителей-заклинателей. Магнетическая теория соединяется с производством сомнамбул. Но «подлинные» ученые, сидящие в академиях, еще долгое время будут игнорировать революцию венского врача, так они поступят и в отношении земляка и коллеги Месмера через сто с лишним лет. А вот литература услышит откровения науки о животном электричестве чрезвычайно скоро и станет наделять их художественной наглядностью.

Литература о двойниках на цивилизационном рубеже

Долгая история множественности разделена на досовременную и современную части переворотом XVIII – начала XIX в. Различие между религиозной и секулярной централизациями полипсихизма лежит в плоскости отношений между двумя антропокультурными

ми формациями¹. При переходе от досовременности к современности происходит смена несущих оснований систем и перераспределение формационного центра и укладов. До Нового времени письменность была укладом. В XVIII–XIX вв. европейский мир превращается в зрелую машино-типографскую цивилизацию, держащуюся на китах науки и литературы.

Литература о двойниках играет ностальгическими эмоциями по утраченной «чуждости», отчасти сожалея о потере, отчасти пародируя и остроя ее посредством новой рациональности. Отсюда смесь юмора, иронии, сарказма и грусти в классических произведениях этого жанра. Хроническая амбивалентность в понимании прогресса и преодолеваемых им «иррациональностей» человеческой природы является общим местом романтизма. «Расколдовывание» ведется не вполне гуманно. Прогрессивные партнеры раздвоенных литературных персонажей приводят их к общему знаменателю и вовсе садистски: разрушая, уничтожая, выталкивая из общества и жизни. Они представляются не менее страшными и опасными, чем древние прототипы. Зоркие глаза Крестьяна

Ивановича Рутеншпица, доктора медицины, следят за господином Голядкиным с первых страниц повести Ф.М. Достоевского «Двойник», а в финале герой спроваживается в сумасшедший дом. Рассказчик новеллы Э.Т.А. Гофмана «Пустой дом» пытается избежать такой участи, читая месмерическую литературу и ведя беседы с учеными людьми. Но представитель этой модной науки из повести «Магнетизер» подобен злему демону и губит благородный род.

Как бы маркируя цивилизационный рубеж досовременности и современности, литература о двойниках помещает своих героев между демоническими кошмарами прошлого и насильственной унификацией их «Я» в настоящем. Романтик ищет спасения от нормализации своей множественности бегством в творчество. Последнее же есть псевдоним погружения в прототипические образы культуры, симулируемые и формируемые под квазидемонизм, и в технико-коммерческие перипетии новой словесности. Пусть бредовую амальгаму роковых и беззащитных красавиц, семейных тайн, цыганок, страшных старух, колдовских наваждений, отвратительных зелий, магических зеркал,

¹ Это словосочетание – мой терминологический вариант обозначения синхронной социокультурной системы, производящей не блага и не биологические тела, а социализационные схемы для превращения особи в члена общества. Указанные инструменты изоморфны антропокультурам, ставящим цивилизации способы артефактного опосредования ее живого человеческого материала. Существуют телесные, вербальные, логико-концептуальные, образные схемы социализации. Концентрация схем (человекоформ) определенного вида в центре системы и дает формацию. Периферийные схемы дают уклад [Шкуратов 20156].

линз, человекоподобных автоматов, магнетических симпатий, роковых совпадений никак не удается уложить во внятные объяснения. Да и зачем? Читателя привлекают не столько складные мысли, сколько острая интрига. Клубок едва ли распутан, но сюжет состоялся, и произведение сочинено, издано, пущено в коммерческий оборот. Чехарда двойников в «Эликсирах сатаны» вызывает сравнение с бульварным чтивом, написанным ради гульденов [Ветчинов]. Но книжная коммерция – повивальная бабка нашего жанра, инструмент и атрибут новой письменной формации. С ее подъемом взаправдашние ритуалы и суды над прислужниками дьявола сменяются придуманным демонизмом и судом литературной критики.

Ноу-хау, центральный прием литературы о двойниках – превращение всех узловых пунктов системы художественного повествования, его композиционной структуры, сюжетных поворотов, идейно-психологических характеристик героев, гносеологических стыков достоверности и вымысла в персонажную фигуру Другого. Тотальная персонализация эстетической материи произведения напоминает всеобщее одушевление мира досовременным анимизмом, и в этом отношении сочинения М. Льюиса, Ч. Мэтьюрина, Э.Т.А. Гофмана представляются инкарнацией старой демонологии в пределах литературы Нового времени. Однако это утверждение окажется поверхностным и даже неверным,

если забыть о кардинальных различиях досовременности и современности (их контраст я позволил себе усугубить понятием антропокультурной формации).

Обратим внимание на интродукцию жанра. Европейский цивилизационный порядок целенаправленно отключает демонологическую составляющую в юриспруденции и административном управлении, образовании, политике, науке на протяжении нескольких десятилетий до Великой французской буржуазной революции, известных как Просвещение. Антропокультурной формации современности полипсихический праксис прежней эпохи не нужен. Большой пласт традиционных установлений выходит из употребления, третируется интеллектуальной и государственной элитой как суеверия, невежество, шарлатанство, бытовая косность. Отброшенный на обочину прогресса материал почти сразу подбирается литературой и вставляется в новый режим письменного слова.

Будет преувеличением сводить дело к реакции германской патриархальности на французский радикализм. Компания авторов литературы о двойниках пестра. Среди ее создателей – и сентименталист Жан-Поль, и автор популярнейшего готического романа «Мельмот-скиталец» Ч. Мэтьюрин, и просветители (в том числе творец «Фауста»), и антипросветители, и реалисты. Преобладают же романтики. Их отношение

к живописуемым ими удивительным вещам разное. Студент Кенигсбергского университета Э.Т.А. Гофман, хоть и прогуливал лекции профессора И. Канта, учение о религии в пределах разума усвоил. Полуготический роман «Эликсиры сатаны» насыщен inferнальной жутью и пользовался репутацией очень страшной вещи. Но сквозь чертовщину пробивается заметная примесь черного юмора, которую по-русски можно резюмировать выражением «напился до чертиков». Ведь *эликсир сатаны* – это крепкое вино, которым злоупотребляют и герой романа, и его автор¹. А вот писатель-пастух Дж. Хогг, сочинивший «Частные мемуары и признания раскаявшегося грешника, написанные им самим» (1824), основоположник шотландской линии литературы о двойниках, видимо, не сомневался, что физическим подобием его героя был дьявол. Однако это уже не имеет

значения. Ведь в романах уже не ищут репортажи о потустороннем мире, и суды уже не рассматривают дела о колдовстве. Демонологический ресурс прошлого подхватывается литературой именно потому, что он исключается из юриспруденции, управления, политики, образования, академической науки и т.д. в настоящем.

Хотя траектория жанра зигзагообразна, она прочерчивается без труда. Она идет от «чудографии», от народных книг о нечистой силе, обманывающей людей подменными и обманными подобиями, от лубков, печатных освещений процессов над колдунами и ведьмами, ученой демонологии к литературе вымысла. Когда в 1797 г. выходит последняя редакция рассказов о Фаусте, «издатель извиняется перед просвещенным читателем за содержание книги, которое представляется ему устарелым: «В наш просвещенный

¹ В предшествовавшем «Эликсирам...» готическом романе М. Льюиса «Монах» роль сатанинской приманки для героя исполняла женщина. Гофман, сохранив это плотское искушение, ввел в качестве заглавного лейтмотива книги алкоголь. Сначала дьявол соблазнял им в пустыне святого Антония. Святой пить не стал, и напиток оказывается в коллекции реликвий, которой заведует главный герой романа монах Медард. Вместо того чтобы хранить монастырскую реликвию в неприкосновенности, он ее незаконно употребляет. Медард – раздвоенная личность, и его теневая половина совершает страшные преступления. В кошмарном сне он видит самого себя, который обращается к нему самому с глумливым и диким предложением. Медард распознает в двойнике дьявола и в ужасе просыпается. В комнате, где он спит, он обнаруживает незнакомца. Тот одет в рясу и как две капли воды похож на Медарда. Двойник отпивает из дьявольской бутылки и впадает в неистовство. После наглядного урока антиалкогольной педагогики герой выбрасывает опустошенную флягу, но на этом его приключения не заканчиваются. Финал романа стилизован под агиографию. Раскаявшийся грешник, искупивший страданиями и покаянием свои преступления, отходит на небеса. Его миссия на земле, а заодно и крайне запутанные перипетии с двойниками, более или менее прояснены. Однако перед развязкой романа благочестивый приор аббатства сокрушенно констатирует, что «дьявол еще бродит без усталости по всей земле и потчует людей своими эликсирами» [Гофман: 293].

век ни один разумный человек уже не верит в чародеев и в колдовские заклинания, в особенности потому, что колдунов и колдуний теперь уже не сжигают, а те фокусы, которые ранее считались волшебством, в настоящее время объясняют естественными причинами <...>. Для нас эти обманы и вымыслы не имеют никакой цены, разве что они могут нам развлечься в часы досуга, если мы не знаем, как заполнить их чем-нибудь лучшим» [Жирмунский: 303].

На дальнем отрезке траектории, который помечен концом XIX в., – «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р.Л. Стивенсона, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Черный монах» А.П. Чехова. В первом из перечисленных произведений двойственность – результат лабораторных экспериментов, объяснение тайны перемещается на грань научной фантастики и детектива, во втором – аллегория искусства и эстетическая проекция социального «Я» в изложении, близком символизму, третий случай определен самим автором как психиатрический этюд. Ни дьявольских эликсиров, ни ведьм, ни магических зеркал здесь и в помине не имеется. Да и партнеры жанра уже сменились: магнетизерская когорта вытеснена из праксиса раздвоения к его паранаучной, знахарско-эстрадной периферии неврологами, психиатрами, психологами. Искусство умножения «Я» погружено в новые реалии, и прежние прототипы им используются скупно – в порядке экзотики –

или стилизуются под эстетическую игру. Что сохраняется для всех оттенков двойственного спектра в предложенной мной схеме, так это принадлежность к победившей формации типографского слова и светской модернизации полипсихизма, тандем рефлексивной страдательности и садистской централизации в производстве двойственных явлений, прием биперсонализации структурно-композиционных узлов художественного повествования в широком диапазоне от «как бы сатанизма» до изоощренной игры автора с нарративными инстанциями текста.

Литература

Агранович, С.З., Саморукова, И.В. Двойничество. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.

Блаженный, Августин. О Граде Божиим. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. В 4 тт. Т. 4.

Ветчинов, К.М. Похождения Гофмана – следователя полиции, государственного советника, композитора, художника и писателя. Пущино: Фотон-век, 2009.

Гофман, Э.Т.А. Эликсир Сатаны. Ижевск: Квест, 1993.

Жирмунский, В.М. История легенды о Фаусте // Легенда о докторе Фаусте. М.: Наука, 1978. С. 257-362.

Леви-Строс, К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

Мелетинский, Е.М. О литературных архе-

типах. М.: РГГУ, 1994.

Патнем, Ф.В. Диагностика и лечение расстройства множественной личности. М.: Когито-Центр, 2003.

Пропп, В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.

Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.

Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. Москва: Лабиринт, 1997.

Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

Шкуратов, В.А. Двойники. Эпизод письменной ментальности XIX в. // Российское сознание: психология, феноменология, культура. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 124-157.

Шкуратов, В.А. Историческая психология. Изд. 2-е, расшир., М.: Смысл, 1997.

Шкуратов, В.А. Человек и антипод: размышления об эволюционном экзистенциализме, или экзистенциальном эволюционизме, на материале доистории, фантастики и проч. // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. № 1 (4). С. 32-49.

Шкуратов, В.А. Протей, Психея и осел (к антропоисторике европейского «Я»). Самара: Изд-во СамГПИ, 2007.

Шкуратов, В.А. Новая историческая психология. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009а.

Шкуратов, В.А. Похороны и торжества (к скриптополитике и скрипторелигии русской интеллигенции) // Политическая концептология. Журнал междисциплинарных исследований. 2009б. № 4. С. 248-265.

Шкуратов, В.А. Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011.

Шкуратов, В.А. Самый первый роман психопатологии // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2012. № 1 (20). С. 131-150.

Шкуратов, В.А. Историческая психология. Изд. 3-е, расшир. Книга первая. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015а.

Шкуратов, В.А. Междисциплинарность в социокультурном контексте (проекты исторического синтеза и новой истории во Франции) // Материалы III ежегодной Международной научной конференции «Стены и мосты». М.: Академический проект, 2015б. С. 85-101.

Шкуратов, В.А. Когитократия: новое изменение исторической психологии // Материалы IV ежегодной Международной научной конференции «Стены и мосты». М.: Академический проект, 2016. С. 70-86.

Durand, J.P. (de Gros) (1868). *Polyzoisme ou pluralité animale chez l'homme*. Paris: J.B. Baillièrre and Germer Baillièrre.

Ellenberger, H. (1970). *The discovery of the unconscious: the history and evolution of dynamic*

psychiatry. New York: Basic Books.

Ross, C. (1997). *Dissociative identity disorder diagnosis. clinical features and treatment of multiple personality*. 2nd Edition. New York: John Wiley & Sons, Inc.

Trillat, E. (1986). *Histoire de l'hysterie*. Paris: Seghers.

Webber, A.J. (1996). *The Doppelgänger: double visions in German Literature*. Oxford: Oxford University Press.

References

Agranovich, S.Z., Samorukova, I.V. (2001). *Dvoynichestvo* [Doubleness]. Samara: Samarskiy universitet.

Augustine of Hippo (1994). *The city of God* (Vol. 4). Moscow: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy Monastyr (In Russian).

Durand, J.P. (de Gros) (1868). *Polyzoisme ou pluralité animale chez l'homme*. Paris: J.B. Baillière and Germer Baillière.

Ellenberger, H. (1970). *The discovery of the unconscious: the history and evolution of dynamic psychiatry*. New York: Basic Books.

Foucault, M. (1997). *Histoire de la folie à l'âge classique*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (In Russian).

Freydenberg, O.M. (1978). *Mif i literatura drevnosti* [Ancient myth and literature]. Moscow: Nauka.

Freydenberg, O.M. (1997). *Poetika syuzheta i zhanra: period antichnoy literatury* [Poetics of plot and genre: the period of ancient literature].

Moscow: Labirint.

Hoffmann, E.T.A. (1993). *Eliksir Satany* [The devil's elixirs]. Izhevsk: Kvest.

Lévi-Strauss, C. (2001). *Structural anthropology*. Moscow: Eksmo-Press (In Russian).

Meletinskiy, E.M. (1994). *O literaturnykh arkhetypakh* [On literary archetypes]. Moscow: RGGU.

Patnem, F.V. (2003). *Diagnostika i lecheniye rasstroystva mnozhestvennoy lichnosti* [Diagnosis and treatment of multiple personality disorder]. Moscow: Kogito-Tsentr.

Propp, V.Ya. (1969). *Morfologiya skazki* [The morphology of the fairytale]. Moscow: Nauka.

Ross, C. (1997). *Dissociative identity disorder diagnosis. clinical features and treatment of multiple personality*. 2nd Edition. New York: John Wiley & Sons, Inc.

Shkuratov, V.A. (2009a). *Novaya istoricheskaya psikhologiya* [New historical psychology]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.

Shkuratov, V.A. (1994). *Dvoyniki. Epizod pis'mennoy mental'nosti XIX v.* [The doubles. An episode of written mentality of the XIX century]. Collection of works *Rossiyskoye soznaniye: psikhologiya, fenomenologiya, kul'tura* [Russian consciousness: psychology, phenomenology, culture]. Samara: SamGPI, 124-157.

Shkuratov, V.A. (1997). *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology] (2nd ed). Moscow: Smysl.

Shkuratov, V.A. (2004). *Chelovek i antipod: razmyshleniya ob evolyutsionnom ekzisten-*

tsializme, ili ekzistentsial'nom evolyutsionizme, na materiale doistorii, fantastiki i proch [A human and an antipode: reflections on evolutionary existentialism, or existential evolutionism, based on the material of prehistory, fantasy and so on]. Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy]. № 1 (4), 32-49.

Shkuratov, V.A. (2007). *Protey, Psikheya i osel (k antropoistorike evropeyskogo «Ya»)* [Proteus, Psyche and a donkey (on antropohistory of European "I")]. Samara: SamGPI.

Shkuratov, V.A. (2009b). Pokhorony i torzhestva (k skriptopolitike i skriptoreligii russkoy intelligentsii) [Funerals and celebrations (on scriptopolitics and scriptoreligion of Russian intelligentsia)]. *Politicheskaya kontseptologiya. Zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy* [The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research], 4, 248-265.

Shkuratov, V.A. (2011). *Psikhologiya v istorii kul'tury i poznaniya* [Psychology in the history of culture and cognition]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.

Shkuratov, V.A. (2012). Samyy pervyy roman psikhopatologii [The very first novel of psychopathology]. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya* [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy]. № 1 (20), 131-150.

Shkuratov, V.A. (2015a). Vvedeniye v is-

toricheskuyu psikhologiyu [Introduction to historical psychology] (Vol. 1). In V.A. Shkuratov, *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology] (2nd ed). Moscow: Kredo.

Shkuratov, V.A. (2015b). Mezhdistsiplinarnost' v sotsiokul'turnom kontekste (proyekty istoricheskogo sinteza i novoy istorii vo Frantsii). Proceedings of the international conference *Steny i mosty*. Moscow: Akademicheskii proyekt, 85-101.

Shkuratov, V.A. (2016). Kogitokratiya: novoye izmereniye istoricheskoy psikhologii Proceedings of the international conference *Steny i mosty*. Moscow: Akademicheskii proyekt, 70-86.

Trillat, E. (1986). *Histoire de l'hysterie*. Paris: Seghers.

Vetchinov, K.M. (2009). *Pokhozheniya Gofmana – sledovatelya politsii, gosudarstvennogo sovetnika, kompozitora, khudozhnika i pisatelya* [The adventures of Hoffmann – the police investigator, state adviser, composer, artist, and writer]. Pushchino: Foton-vek.

Webber, A.J. (1996). *The Doppelgänger: double visions in German Literature*. Oxford: Oxford University Press.

Zhirmunskiy, V.M. (1978). Istoriya legendy o Fauste [The story of the legend of Faustus]. In V.M. Zhirmunskiy (Ed.), *Legenda o doktore Fauste* [The legend of doctor Faustus]. Moscow: Nauka, 257-362.

THE TIME OF DOUBLES
(ESSAY ON THE HISTORY OF MULTIPLICITY)

Vladimir A. Shkuratov, PhD, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia),
e-mail: narradigma94@yandex.ru.

Abstract. The essay gives an overview of European practices of bi-personalisation. The modern literary medical phenomenon of the double is distinguished as a separate historical case and the type of psycho-cultural disassociation, is contrasted with premodern doubleness. The author does not believe that mythical and ritual duality encompasses the specifics of literature, and in this regard, the author argues against the structuralist approach to doubling, as well as with other related approaches. It is noted that the reflective suffering of the hero confronts a primitive ritual lycanthropy and is able to block the game of binary oppositions in the ancient novel (“The Golden Ass” of Apuleius). However, to consolidate the literature on doubles one needs other socio-cultural conditions than existed in premodern times. To draft historical types of disassociation, the author introduces the concepts of polypsychism, psychocracy, and anthropo-cultural formation. The stories of the Doppelganger and mesmeric experiments are taken in their common mission of disenchantment with the world and the centralization of pre-modern plurality. The cycle of the pair - “polypsychism – monopsychism” is studied in the religious and secular versions. The main device of literature about doubles is defined as the transformation of all nodal points of the system of storytelling, its compositional structure, plot twists, the ideological and psychological characteristics of the heroes, and the epistemological junction of authenticity and fiction into the figure of the Other. The contemporary praxis of bi-personalisation is formed at the interface between two civilization orders (or anthropocentric formations). The demonic resource of the past is picked up by the fiction while it is being excluded from law, government, politics, academic science, and other power-knowledge spheres and enters into the sphere of fantasy. From Gothic “black” thrillers of the XVIII – early XIX centuries to the symbolism and modernism of late XIX – XX centuries, literature about doubles changes, but preserves the device of bi-personalisation of structural-composite nodes in the range from “demonism” to the sophisticated game of the author within the narrative instances of the text.

Key words: doubles, multiplicity, binary oppositions, bi-personalisation, polypsychism, monopsychism, mesmerism, psychocracy, antropo-cultural formation.

